

Голайденко Лариса Николаевна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ЯДРО, ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС ВОСПОМИНАНИЯ И ПЕРИФЕРИЯ (НА
МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)**

В данной статье представление рассматривается как предмет языковой рефлексии, формирующей в русском языке соответствующую семантику и реализующую её систему значений. Лексика как основной носитель этих значений маркирует структурно-семантическую категорию представления. Лексика с семантикой представления образует синкретичное лексико-семантическое поле (ЛСП), что отражает переходный характер и синкретизм когнитивной категории представления. На основе этого моделируется ЛСП представления; предметом внимания выступают ядро, лексико-семантический класс воспоминания и периферия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-71. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

На основании изучения и анализа различных возможностей пополнения словаря, а также использования иллюстративного материала мы считаем, что самыми функциональными способами обогащения и развития словарного состава русского литературного языка являются: семантические сдвиги, приводящие к смещению соотношения между прямыми номинативными и переносными значениями лексических единиц; образование новых слов посредством аффиксации и словосложения; использование аббревиатур и сложносокращенных слов; изменения в экспрессивно-оценочной направленности ряда слов; выход из активного оборота отдельных «неактуальных» слов с одной стороны и «восстановление» в активном употреблении устаревшей лексики с другой стороны.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 472 с.
2. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 416 с.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
4. Даль В. Л. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1989. Т. 4. Р-V. 683 с.
5. Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи: учебное пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.
6. Костиков В. Пусть ложь владеет не через меня // Аргументы и факты. 2015. 18 марта.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М.: Эксмо, 2005. 768 с.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. С. Г. Бархударова и др. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. Т. III. П-Р. 991 с.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. С. Г. Бархударова и др. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. Т. IV. С-Я. 1088 с.
11. Юлдашев Т. А. Компоненты ситуации оценочного действия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34). Ч. 2. С. 205-207.

LANGUAGE TRANSFORMATIONS

Garifullina El'vira Il'dusovna, Ph. D. in Philology

Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI (Branch "The East") in Chistopol
elviraig@mail.ru

The article discusses the main opportunities of the replenishment and development of the vocabulary of the Russian literary language. The paper contains the analysis of the formation of new elements of the language and change of the existing language elements through the use of the internal word-building resources of the language at this stage of its historical development.

Key words and phrases: language transformations; semantic structure of word; semantic shift; evaluative lexis; direct nominative and figurative meanings of lexical units; historical development of language.

УДК 811.161.1

Филологические науки

В данной статье представление рассматривается как предмет языковой рефлексии, формирующей в русском языке соответствующую семантику и реализующую её систему значений. Лексика как основной носитель этих значений маркирует структурно-семантическую категорию представления. Лексика с семантикой представления образует синкретичное лексико-семантическое поле (ЛСП), что отражает переходный характер и синкретизм когнитивной категории представления. На основе этого моделируется ЛСП представления; предметом внимания выступают ядро, лексико-семантический класс воспоминания и периферия.

Ключевые слова и фразы: представление; структурно-семантическая категория представления; синкретизм ЛСП представления; модель ЛСП представления; лексико-семантический класс воспоминания.

Голайденко Лариса Николаевна, к. филол. н., доцент

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
lngolaydenko@gmail.com

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЯДРО, ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС ВОСПОМИНАНИЯ И ПЕРИФЕРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)[©]

Будучи когнитивным феноменом, осуществляющим переход от чувственных форм познания объективной действительности к абстрактным, представление, как и восприятие и понятие, всегда являлось и является

предметом активного осмысления носителями русского языка как важнейшей составляющей человеческого бытия и его образного, творческого, логического освоения, как основы миропонимания и самопознания личности – предметом языковой рефлексии [3, с. 5].

Представление, под которым в философии [19, с. 361] и психологии [15, с. 332] традиционно подразумевается процесс вспоминания / воображения и его продукт – образ образа, то есть воспроизведённый на базе «следов» памяти наглядно-чувственный образ прошлого или сконструированная на этой же, но «креативно» модифицированной базе наглядно-чувственная картина будущего, не может быть названо словом, но тяготеет к вербализации на уровне смыслов, содержательные «наполняющих» и структурирующих понятие, которое находит непосредственное воплощение в слове.

Понятие о представлении сформировалось и продолжает углубляться в языковом сознании носителей русского языка благодаря существующей в языке и постоянно развивающейся «особой области языковой семантики – сферы значений» [3, с. 5] представления, отражающих разные аспекты соответствующего когнитивного процесса и его результатов.

Эта сфера значений реализуется, прежде всего, в лексике с семантикой представления [8], доминирующей в системе разнообразных средств выражения данной семантики [11] на всех языковых уровнях. Последнее обуславливает необходимость рассмотрения соответствующей философско-психологической категории с позиций структурно-семантического направления в современной русистике [5] – как структурно-семантической [7].

Система смыслов, составляющих семантику представления в современном русском языке, нами уже описана [8], поэтому на данном этапе нашего исследования структурно-семантической категории представления особый интерес вызывает полевая организация соответствующих лексико-семантических единиц, тем более что, по мнению Л. М. Босовой, «полевой подход как методика анализа языковых явлений» при изучении этих единиц «как репрезентантов смысла» «достаточно продуктивен» [6, с. 1].

Подчеркнём, что лексика с семантикой восприятия – когнитивной категории, «языковой универсалии» [3, с. 5], предшествующей представлению в процессе познания, – стала предметом специального многоаспектного исследования, осуществлённого О. Ю. Авдеевниной [2]. Однако лексико-семантическое поле (ЛСП) восприятия в нём не смоделировано.

Наша научная работа есть в определённом смысле логическое продолжение начатого В. В. Бабайцевой [4], О. Ю. Авдеевниной структурно-семантического изучения специфики отражения когнитивных категорий в современном русском языке. При этом описание и анализ лексики с семантикой представления составляет один из аспектов нашего комплексного исследования «очередной» когнитивной категории, к тому же в данной статье мы впервые попытаемся смоделировать ЛСП представления.

Прежде всего, необходимо прокомментировать выбор «формы систематизации значений» представления в современном русском языке [6, с. 1] – поля – и его терминологического определения – «лексико-семантическое». Такой комментарий весьма значим на фоне используемых в практике лингвистических исследований «полевых структур разных типов: грамматических, лексико-грамматических, семантических, функционально-семантических, ассоциативных, ассоциативно-семантических (текстовых), концептуальных» [16, с. 5], смысловых [6, с. 1] и др. и, как отмечают И. П. Матханова и Т. А. Трипольская, терминологической профанации, когда «наблюдается неоправданное и неотрефлексированное использование терминов-понятий, которые кажутся исследователям привлекательными и подходящими инструментами в конкретных описаниях языка, текста, речевой способности», когда смешиваются разные типы полей и разные виды их функций [16, с. 6-7].

Мы моделируем семантическое поле, но не функционально-семантическое, не ассоциативное и не словесное.

В отличие от первого семантического поля, представляющее собой «иерархическую структуру множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу», характеризуется разнородностью грамматического состава, наличием слов и лексико-семантических вариантов; спецификой доминантной единицы, имеющей наиболее простую лексическую и грамматическую форму и передающую «основную идею поля»; представленностью ядра поля «архисемами» и минимальным набором дифференциальных сем; по направлению от ядра к периферии – усилением дифференциальных признаков и «перегруппировкой сем по степени значимости»; автоматизмом в выборе доминантного слова, которое «первым всплывает в памяти», трактовкой прочих значений через семантику доминанты; достаточно богатым интерпретационным потенциалом (способностью к «растягиванию» значения); наличием парадигматических, синтагматических и ассоциативно-деривационных отношений и, как следствие, корреляцией с когнитивными, речевыми и текстовыми структурами (см. подробнее: [Там же, с. 8-12]).

В отличие от ассоциативного семантического поля является не психолингвистическим, а собственно лингвистическим, потому что состоит из лексем и лексико-семантических вариантов, а не из ассоциаций, которые неоднократно повторяются в силу своей значимости для говорящего / пишущего [1, с. 221], отражает языковую семантику и систематизирует языковые значения, а не ассоциативные, имеющиеся у слова в языке, но выявляемые в устной речи-реакции или на базе письменного текста.

В отличие же от словесного семантического поля имеет доминанту, которая включает только вербальные «компоненты речевого произведения» [6, с. 1], «игнорируя» невербальные.

Мы моделируем не просто семантическое, но лексико-семантическое поле, хотя в русистике наблюдаются разные точки зрения на соотношение двух составляющих этого сложного терминологического определения – «лексическое» и «семантическое» – в рамках одного или двух понятий-терминов.

Так, например, В. Д. Черняк и О. С. Ильина отождествляют семантическое и лексико-семантическое поля, давая общую квалификацию: «Семантическое (лексико-семантическое) поле – самая широкая семантическая

группировка слов разных частей речи, соотносённая с целостным фрагментом действительности и основанная на наличии в значениях слов общего (интегрального) семантического компонента» [21, с. 17].

В. П. Абрамов использует только термин «семантическое поле», не упоминая терминологического варианта «лексико-семантическое поле» и вообще не употребляя термина «лексическое поле». Определение учёным семантического поля очень похоже на предыдущее, данное В. Д. Черняк и О. С. Ильиной: «Семантическое поле понимается как упорядоченное множество единиц с общим значением, которое группируется вокруг ядерной семемы» [1, с. 25]. Из этой дефиниции можно заключить, что В. П. Абрамов семантическое и лексико-семантическое поля не дифференцирует.

И. П. Матханова и Т. А. Трипольская разграничивают лексическое и семантическое поля, называя их в ряду активно используемых в лингвистике полевых структур [16, с. 5] без какого-либо указания на возможный вариант их объединения в одном термине.

Весьма интересными и продуктивными для нашего исследования представляются рассуждения С. Г. Шафикова относительно семантического, лексического и лексико-семантического полей, которые рассматриваются как взаимосвязанные, но не тождественные.

Учёный трактует семантическое поле в широком и узком смыслах. В широком понимании семантическим является «любое языковое поле, экспоненты которого выражаются как лексическими, так и грамматическими средствами языка, репрезентативными как парадигматическими, так и синтагматическими, а также смешанные структуры» [22, с. 41]. Тогда в плане выражения оно соотносится с функционально-семантическим полем.

В узком смысле семантическое поле «представляет собой парадигматическое поле, экспоненты которого выражаются только единицами лексического, в том числе – фразеологического уровня, то есть простыми и сложными лексемами». И тогда в плане выражения оно соотносится с лексическим полем – «семантическим классом слов» [Там же, с. 41-42].

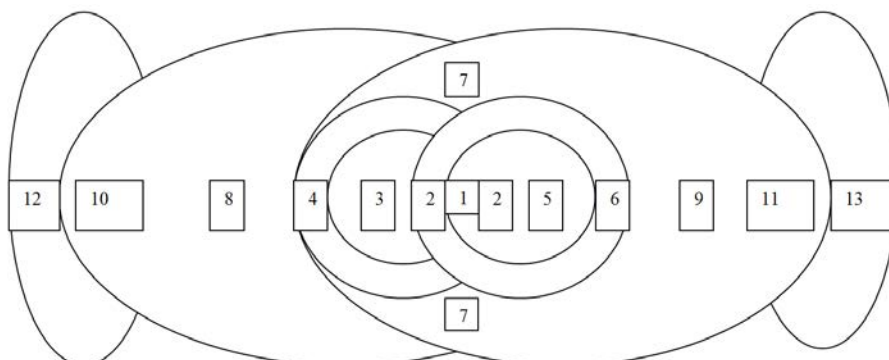
С. Г. Шафиков подчёркивает, что семантическое поле есть «поле значений (семем), идентифицируемых общей семой», оно имеет «только двухмерное, плоскостное измерение», то есть отражает отношение «общая сема – значение» и не учитывает специфику «полисемантов», обладающих глубокой и разветвлённой семантической структурой. Именно поэтому, утверждает лингвист, необходимо различать собственно семантическое поле и лексико-семантическое поле, которое, включая в себя «полисеманты», имеет «трёхмерное, объёмное измерение», то есть репрезентует отношения «общая сема – значения полисеманта» («общая сема – значение 1, общая сема – значение 2, общая сема – значение 3 и т.д.»).

Понятие «лексико-семантическое поле», считает в итоге С. Г. Шафиков, «позволяет интегрировать в таксономию полей тип, называемый в отечественной лингвистике лексико-семантической группой, состоящей из полисемантов, объединённых по основному значению» [Там же, с. 42-43].

Подобное понимание лексико-семантического поля адекватно нашей модели полевой организации лексики с семантикой представления, поскольку образующие это поле лексемы являются «полисемантами», причём лексико-грамматическими, что становится очевидным не только из их лексикографических описаний и широких лексико-синтаксических деривационных связей, но, прежде всего, из обозначения смыслов, порождаемых «полисемантической» когнитивной категорией представления, совмещающей свойства «собственно чувственного» восприятия и «собственно абстрактного» понятия, реализующейся в двух формах – воспоминании и воображении, – которые постоянно взаимодействуют и «перетекают» одна в другую, «высвечивая» процессуально-предметную природу представления; соотносятся с разными, но онтологически взаимосвязанными временными планами – прошлым и будущим, – вбирая в себя элементы настоящего; имеют ярко выраженные модальные характеристики – достоверности и предположения; обладают высокой субъективной аксиологичностью и эмоциональностью; отражают здоровое или больное состояние человеческой психики; в целом образуют тот фон, на котором разворачивается вся внутренняя жизнь индивидуума.

Существенно в этом плане суждение С. Г. Шафикова о том, что «системные объединения семем имеют как структурное обоснование, связанное с оппозитивными отношениями между ними, так и типологическое обоснование, связанное с основным свойством человеческого мышления – категоризацией мира» [Там же, с. 45].

Поскольку «имя поля выражает познанную объективную действительность в виде определённой когнитивной категории» [Там же, с. 42], предлагаемая нами модель полевой организации лексики с семантикой представления есть ЛСП представления, ведущие связи и отношения в котором мы иллюстрируем примерами из художественной прозы. Выглядит оно следующим образом:

ЛСП представления носит синкретичный характер, так как включает в себя две перекрещивающиеся лексико-семантические области, два пересекающихся лексико-семантических «класса единиц» [1, с. 39] – воспоминания (8) и воображения (9), ибо это две «ипостаси» когнитивной категории представления, обеспечивающие диалектический переход от восприятия к понятию.

Соответственно синкретичными являются ядро и центр данного ЛСП.

Ядро представляет собой две пересекающиеся ядерные зоны – воспоминания (3) и воображения (5), – формируемые ядерными лексемами *вспомнить(ся)* и *вообразить(ся)*, выражающими частные – «семные» – значения представления: «1. Возобновить в памяти, возвратиться мыслью к прошлому. 2. Внезапно вернуться мыслью к забытому, упущенному» [17, с. 109] и «1. Представить себе мысленно» [Там же, с. 100] – «Мысленно создать, сконструировать новые образы на базе данных памяти» [8, с. 21]. Например:

Возвратясь в гостиную, <...>, старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы <...> (А. Пушкин. Барышня-крестьянка) [29];

Граф лёг в постель, но вдруг так ясно вообразил, как молния сейчас попадёт в крышу и пройдёт насквозь через все этажи, обратив его мимоходом в судорожно скрюченного негра, – что с бьющимся сердцем вскочил (В. Набоков. Занятой человек) [33].

В секторе пересечения ядерных зон воспоминания и воображения находится главный полисемант, «архилексема» *представить(ся)* (1) – «единица, соответствующая всему содержанию словесного поля», носитель инвариантного значения, «которое выступает как исходное» [1, с. 39] во всех единицах ЛСП – его семантической «скрепой»: «б. Воспроизвести в мыслях (вспомнить [8, с. 11]), вообразить» [17, с. 580].

В данном случае мы наблюдаем типичное для ЛСП несоответствие имени поля (*представление*) его реальному центру (*представлять(ся)*) [16, с. 9-10].

Положение глагола *представить(ся)* в абсолютном центре ядра ЛСП представления определяется не только способностью данной лексемы выражать нейтральное значение соответствующего процесса, но и явным её тяготением к конкретизации этого значения в художественной прозаической речи – выражению одного из частных значений: воспоминания или воображения [10]. Ср.:

Дипломат грустно молчал, выходя из гостиной. Ему представилась вся тщета его дипломатической карьеры в сравнении с счастьем Пьера (Л. Толстой. Война и мир) [1, с. 153; 18];

Их лица представляются и теперь иногда... (Н. Гоголь. Старосветские помещики) [25];

Поначалу она часто представляла, как вернётся во двор и как все обалдеют от того, что у неё есть настоящий ребёнок (С. Чураева. Чудеса несвятой Магдалины) [27].

Сектор пересечения ядерных зон воспоминания и воображения и сами ядерные зоны воспоминания и воображения имеют двойные «рамки», которые указывают на включение в ядро вторым – деривационно обусловленным – планом отвлечённых девербативов *представление* (2), *воспоминание* (4) и *воображение* (6) [12-14].

Необходимость такого включения объясняется тем, что данные существительные, сохраняя глагольные значения представления, воспоминания и воображения как процессов, развивают субстанциональные значения наглядно-чувственных образов (*представление*, *воспоминание*) и способности фантазировать (*воображение*), выступая в качестве когнитивных номинаций: *представления* – «Чувственные, наглядные образы предметов и явлений, возникающие посредством их воспроизведения или реконструкции из элементов прошлого опыта» [15, с. 332]; *воспоминание* – «Непроизвольно возникшее или произвольно вызванное вновь содержание сознания, которое более или менее сходно с первоначальным переживанием или кажется сходным» [19, с. 76], «Образ-след» в памяти [Там же, с. 330]; *воображение* – «1. Способность воображать, творчески мыслить, фантазировать; мысленное представление. 2. Домысел, плод фантазии (разг.)» [17, с. 100].

Когнитивная структура представления (воспоминания / воображения) – процесс и его продукт – не позволяет вывести соответствующие девербативы из ядра ЛСП представления: только такое ядро отражает сложную природу и целостность когнитивной категории.

К тому же появление у отвлечённых девербативов *представление*, *воспоминание* и *воображение* на базе синтаксической деривации новых лексических смыслов и как следствие терминологическое функционирование в научном языке философии, психологии, психолингвистике, когнитивной лингвистике, концептологии и др. позволяет говорить о синкретичном характере отглагольной деривации данных имён на *-ние* – лексико-синтаксическом.

Объединение в ядре ЛСП представления глаголов и соответствующих отглагольных существительных фундирует и синкретизм его типа «в зависимости от грамматической природы исходной единицы», лежащей в основе поля и «связанной с семантической и словообразовательной деривацией его элементов» [16, с. 10]. Это процессуально-предметное ЛСП – в отличие от однозначных типов: процессуального, предметного, признакового и др. [1, с. 232; 16, с. 10].

Взаимодействие компонентов ядра ЛСП представления в художественной прозе демонстрирует их синтагматическую подвижность в границах ядра: актуализацию одних значений и нейтрализацию других, функционирование лексем одной ядерной зоны в значении единиц другой – «противоположной» – ядерной зоны. Например:

Князь Василий охотно поддался этому тону; маленькая княгиня вовлекла в это воспоминание никогда не бывших смешных происшествий и Анатоля, которого она почти не знала (Л. Толстой. Война и мир) [1, с. 305; 18];

И он с необыкновенной живостью и ясностью перенёсся воображением за год тому назад, к этой счастливой минуте (Л. Толстой. Утро помещика) [30].

В центральной околядерной зоне (7), образуемой пересечением лексико-семантических областей воспоминания (8) и воображения (9), располагаются полисеманты *образ* («3. Живое, наглядное представление о ком-чём-н.» [17, с. 433]), *образный*, *картина* («То, что можно видеть, обозревать или представлять себе

в конкретных образах» [Там же, с. 269]), *картинный, рисовать* («2. *перен.* Изображать, представлять в образах» [Там же, с. 678]), *рисоваться* («1. Виднеться, казаться. В воображении рисуются мирные картины (перен.)» [Там же] – «Представляться в образах» [8, с. 13]), *тень* («5. *перен.* Призрак, воспроизведение чего-н. (книжн.). Тени прошлого» [17, с. 792]: *призрак* – «Образ кого-чего-н., представляющийся в воображении, видение, то, что мерещится» [Там же, с. 589]; *воспроизведение* – от *воспроизвести* – «2. Воссоздать, возобновить, повторить в копии. Воспроизвести что-н. в памяти» [Там же, с. 103]).

Казалось бы, лексемы *образ, картина, тень, рисовать(ся)*, будучи простыми по лексической и грамматической формам, имеют право занять место в ядре ЛСП представления, тем более что толковый словарь подчёркивает наглядно-чувственную специфику называемых ими образов и процесса. Однако, на наш взгляд, это всё же не ядерные лексемы.

Во-первых, они не воспроизводятся в речи автоматически: говорящему в непосредственном, живом общении легче употребить глагол *представить / вспомнить / вообразить*, например, в форме одного из времён изъявительного наклонения, чтобы констатировать факт процесса представления в прошлом, настоящем или будущем, либо в форме повелительного наклонения, а также в функции контактоустанавливающего вводно-модального компонента, чтобы раскрыть содержание своего представления и побудить слушающего воссоздать это представление близко к озвучиваемому «оригиналу».

Во-вторых, когнитивные смыслы лексем *образ, картина, тень, рисовать(ся)* богаче собственно лексических: данные слова обозначают образы и процесс не только представления, но и восприятия. Картину и тень можно видеть, то есть воспринимать зрительно; рисование также обычно сопровождается зрительным восприятием объекта действительности; само восприятие есть образ, построенный на основе различных ощущений [15, с. 53].

В связи с этим лексемы *образ, картина, тень, рисовать(ся)* параллельно с околядерной центральной зоной должны рассматриваться и на периферии ЛСП представления (10) – в секторе его пересечения с ЛСП восприятия (12).

Вместе с тем основное положение этих единиц в околядерном центре ЛСП представления вполне оправдано их лексическими значениями и способностью, как и у ядерных лексем, реализовывать в речи и сему воспоминания, и сему воображения. Например:

В раме Чистых прудов запечатлелся для меня и самый сильный образ моей юности (Ю. Нагибин. Чистые пруды [28]); *По словам сестры и брата <...> в моём сознании воссоздался образ человека простого и беззлобного...* (П. Храмов. Инок [20, с. 148]);

...А может, и в самом деле память двухлетнего пацана что-то вобрала в себя, и позже подсказанное стороннее пробудило одну из картин... (В. Шурупов. Первые венцы [23]); *Ей представлялась пленительная картина постепенного пробуждения и воспитания дикаря, <...> который будет ещё более любить её...* (С. Аксаков. Семейная хроника) [24];

Но это были зыбкие тени детства (В. Пелевин. Empire «V») [37]; *Нина говорила себе в этом слабом сне: проснись, проснись, – но тусклая паутина теней не отпускала её...* (Л. Улицкая. Зверь) [36].

Заметим, что совместное включение в околядерную центральную зону лексем *картина и рисовать(ся)* обусловливается их синтагматикой, определяемой устойчивыми ассоциациями и лексико-семантической сочетаемостью:

– *При социализме не будет ни богатых, ни бедных, ни русских, ни евреев, ни поляков, – убедительно рисовал он картину всеобщего счастья* (И. Ратушинская. Одесситы) [26].

Центральная область ЛСП представления, находящаяся за пределами сектора пересечения лексико-семантических классов воспоминания (8) и воображения (9), характеризуется богатой парадигматикой – системой закономерных связей однородных единиц, взаимодействующих и противопоставленных друг другу [1, с. 37], когда одно ядерное значение реализуется через частные (вариативные) значения. Это позволяет выделить в каждой лексико-семантической области соответствующие микрополя [Там же, с. 28], которые будут располагаться между ядерной центральной зоной и периферией ЛСП представления по принципу ослабления инвариантного значения, интегральной семы и актуализации частных значений, дифференциальных сем.

Так, в лексико-семантическом классе воспоминания к ядру тяготеет микрополе собственно воспоминания, включающее глаголы *припомнить* («1. Вспомнить, восстановить в памяти, вернуться мыслью к прошлому» [17, с. 595]), *напомнить* («1. Вызвать воспоминания; заставить кого-н. вспомнить» [Там же, с. 387]), *упомянуть* («Назвать, коснуться кого-чего-н. в речи» [Там же, с. 833]), *воскресить* («3. *перен.* Восстановить, возродить что-н. утраченное, забытое» [Там же, с. 102]), *восстановить* («2. *перен.* Вновь представить кого-что-н., воспроизвести» [Там же]), *воссоздать* («Создать вновь, повторить; возобновить в памяти» [Там же]) и соответствующие синтаксические дериваты *припоминание, напоминание, упоминание, воскрешение / воскресение, восстановление, воссоздание*; субстантив *память* («2. То же, что воспоминание о ком-чём-н.» [Там же, с. 488]); глаголы *помянуть* («1. Вспомнить, упомянуть в разговоре (разг.); крутиться» («1. То же, что вертеться (в 4 знач.)» [Там же, с. 311] – «Постоянно находиться в мыслях, припоминаться (разг.)» [Там же, с. 79]), *ворошить* («2. *перен.* Вспоминать забытое (о неприятном, тяжёлом)» [Там же, с. 102]), *освежить* – «3. Возобновить в памяти» [Там же, с. 459], а также окказиональное наречие *вспоминательно*.

У этого микрополя тоже есть периферия, образуемая лексическими единицами, в значении которых сема воспоминания актуализируется благодаря переносному употреблению, зафиксированному в иллюстративном примере лексикографического описания: *ожить* – «1. Стать снова живым. Воспоминания оживили (перен.)» [Там же, с. 445], *оживить* – «1. Возвратить к жизни, сделать снова живым. Оживить воспоминание (перен.)» [Там же], *разбередить* – «см. *бередить*» [Там же, с. 639] – «(разг.) Раздражать большое место прикосновением (перен.: расстраивать тяжёлыми воспоминаниями)» [Там же, с. 49-50], *оглянуться* – «Обернувшись,

посмотреть назад. Оглянуться на своё прошлое (перен.)» [Там же, с. 441], *перенестись* – «Быстро переместиться. Мысленно перенестись в детские годы (перен.)» [Там же, с. 505], *унести* – «2. Переместить куда-н., увлечь. Воспоминания унесли его в далёкое детство (перен.)» [Там же, с. 831], *преследовать* – «3. *перен.* Не оставлять в покое, мучить (о мысли, чувстве, воспоминании)» [Там же, с. 583], *наплыть* – «3. Приплыв, скопиться где-н. Наплыли воспоминания (перен.)» [Там же, с. 386], *рыться* – «1. Рыть, раскапывать что-н. (обычно ища что-н.). Рыться в памяти, воспоминаниях (перен.)» [Там же, с. 689], *живой* – «1. Такой, который живёт, обладает жизнью. Жива память о прошлом (перен.)» [Там же, с. 196], *назад* – «1. В обратном направлении. Оглянуться назад (также перен.: вспомнить то, что было)» [Там же, с. 379].

Чуть дальше от ядра за микрополем собственно воспоминания – микрополе поминания и его экспоненты *помянуть* («2. Устроить, справить чьи-н. поминки. 3. У верующих: помолиться о здравье живого (о здравии) или об упокоении умершего (за упокой)» [Там же, с. 558-559]), *поминки* («Угощение после похорон в память умершего» [Там же, с. 558]) и *помин* – «(устар.) Поминание, поминовение» [Там же].

Выделение данного микрополя, включающего только три единицы, объясняется доминированием дифференциальной семы «Поминание», отражающей очень важные ритуалы в миру (поминки после похорон умершего) и в православной церкви (молитвы о здравии / за упокой).

Заметим, что полисемант *помянуть* в первом значении относится к микрополю собственно воспоминания, а во втором – к микрополю поминания.

На границе лексико-семантической области воспоминания ближе к периферии находится микрополе памяти, представленное лексемами *память* («1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта» [Там же, с. 488]), *запомнить* («Сохранить в памяти» [Там же, с. 219]), *запоминание*, *запечатлеть* («(книжн.) 2. Сохранить надолго в памяти, в сознании» [Там же, с. 217]), *не забыть* (антоним к *забыть* – «1. Перестать помнить, утратить воспоминание о ком-чём-н. 2. Упустить из сознания, перестать держать в мыслях, запечатлеть» [Там же, с. 201]), *помнить* («Сохранять, удерживать в памяти, не забывать» [Там же, с. 558]), *памятный* («1. Сохраняемый в памяти, незабываемый» [Там же, с. 488]), *памятно*, *памятливый* («(разг.) Обладающий хорошей памятью» [Там же]), *памятливость*.

Существенное отдаление микрополя памяти от ядра ЛСП представления в сторону ЛСП восприятия имеет под собой когнитивное основание: память – «хранилище» образов-следов ощущений и восприятий, а воспоминание – способ и форма извлечения из памяти этих образов-следов с целью ещё большей их абстрагизации.

Вместе с тем данные микрополя тесно взаимосвязаны в рамках лексико-семантического класса воспоминания, свидетельством чего является двойственное (даже «тройственное») «поведение» полисеманта *память*, который в первом значении относится к микрополю памяти и, кстати, просматривается в значении существительного *поминки* микрополя поминания, а во втором значении включается в микрополе собственно воспоминания.

Такое «семное» положение существительного *память* в разных микрополях лексико-семантического класса воспоминания свидетельствует о том, что память и воспоминание отличаются только функционально: память – когнитивная основа, источник воспоминания, воспоминание же когнитивное доказательство наличия и работы памяти, резюльдат её «пробуждения».

На периферии ЛСП представления (10) – в сегменте пересечения с ЛСП восприятия (12) – находятся лексемы с собственно перцептивной семантикой, употребляющиеся в художественной прозаической речи в значении воспоминания: чаще всего *видеть* («2. Воспринимать зрением» [Там же, с. 86]) и *слышать* («1. Различать, воспринимать что-н. слухом» [Там же, с. 731]), а также *созерцать*, *смотреть*, *глядеть*, *взирать*, *рассмотреть*, *зрение*, *глаза*, *око*, *взор*, *взгляд*; *слушать*, *звучать*, *слух*, *уши* и т.п. Например:

...Он видел серую стену своей камеры, слышал звуки острога <...>. И вместе с тем **видел** её – с её кротким взглядом, который победил его ещё при встрече на улице, и худой, морщинистой шеей, которую он перерезал, и **слышал** её умильный, жалостливый, шепелявый голос... (Л. Толстой. Фальшивый купон) [31].

Слова, находящиеся на периферии ЛСП представления, характеризуются контекстуальной обусловленностью, так как реализуют «свои вторичные семантические функции» [1, с. 28] только благодаря коммуникативному контексту. Уникальным в этом плане является случай контактного употребления в рамках одного сказуемого двух «смежных» по семантике глаголов – восприятия *слышать* и представления *вспоминать*:

Стою у одного из мемориалов, под которым покоятся останки трёхсот школьников и восемнадцати учителей, вижу застывшее лицо Сергея Викулова, **слышу-вспоминаю** слова сербского друга... (В. Чивилихин. Память) [34].

Нельзя забывать, что периферия лексико-семантической области воспоминания одновременно является периферией всего ЛСП представления, поэтому слова перцептивной семантики, чаще всего глагол *видеть(ся)*, могут выражать не только значение воспоминания, но и воображения. Например:

...Теперь мне **видится** далеко за нашим фронтом и за нашим рабочим тылом вот эта благословенная страна, где, как вы мило пишете, трудятся для нас соловьи... (М. Пришвин. Соловей) [32];

Андрей очень явственно **видел**, как это происходит: все возвращаются из бухты, собирают вещи, едут в Москву. Он отвозит своих домой, а сам съезжает на дачу с Танькой и её мальчишками... (Л. Улицкая. Орловы – Соколовы) [35].

Неслучайно глагол *видеть* имеет ещё одно значение, связывающее семы зрительного восприятия и воображения: «6. Со словами *сон*, *во сне*: представлять в сновидении» [17, с. 86], то есть «Воображать» (*сон* – «1. Наступающее через определённые промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения.

2. То, что снится, грезится спящему, сновидение» [Там же, с. 745]; *сновидение* – «(книжн.) Образы, картины, возникающие во время сна, во сне, сон (во 2 знач.)» [Там же, с. 737]).

Поэтому полисемант *видеть* в своём основном значении функционирует в рамках ЛСП восприятия, в контекстуально обусловленном значении воспоминания – на периферии ЛСП представления, а в рамках весьма устойчивого сочетания (но не фразеологизма) *видеть сон / во сне* – в центральной зоне воображения.

Лексемы ЛСП восприятия, способные в определённых контекстах передавать значение воспоминания / воображения, мы квалифицируем как потенциальные средства выражения семантики представления в художественной прозе [8, с. 65].

Безусловно, употребление в речи «периферийных» слов с семантикой восприятия → представления, отражая чувственную природу воспоминания / воображения и диалектический переход от восприятия к понятию в целостном процессе познания действительности, «высвечивает» богатую синтагматику ЛСП представления – в данном случае закономерную лингвокогнитивную связь с ЛСП восприятия.

Итак, под ЛСП мы понимаем структурно (парадигматически, синтагматически, эпидигматически) и типологически (категоризационно) обоснованную совокупность полисемантов (лексем / семем), объединённых инвариантным значением / интегральной семой. Лексемы с общеязыковым значением представления полисемантичны в силу много- и разнообразия смыслов, порождаемых соответствующей когнитивной категорией.

ЛСП представления является синкретичным вследствие пересечения лексико-семантических классов воспоминания и воображения. Это отражает переходный характер и синкретизм категории представления. Синкретичное ядро данного ЛСП включает глагольную архилексему *представить(ся)*, ядерные глаголы *вспомнить(ся)* и *вообразить(ся)*, а также их лексико-синтаксические дериваты *представление*, *воспоминание* и *воображение*, что обуславливает процессуально-предметный характер всего ЛСП.

Ядерные полисеманты активно взаимодействуют и употребляются в художественной прозаической речи либо в нейтральном значении представления или частных значениях воспоминания / воображения, либо в «противоположных» значениях, демонстрируя онтологическую целостность сложно организованной и многоплановой наглядно-чувственной формы познания объективной действительности.

В околядерной центральной части ЛСП представления находятся лексемы *образ*, *образный*, *картина*, *картинный*, *тень*, *рисовать(ся)*, в значениях которых может актуализироваться как сема воспоминания, так и сема воображения.

Центральный лексико-семантический класс воспоминания, образуемый ядерным глаголом *вспомнить(ся)* и отвлечённым девербативом *воспоминание*, сегментируется тремя микрополями: собственно воспоминания (*припомнить*, *напомнить*, *упомянуть*, *помянуть* (в 1 знач.), *воскресить*, *восстановить*, *воссоздать* и соответствующие синтаксические дериваты на *-ние*, а также *память* (во 2 знач.), *крутиться*, *вертеться*, *ворошить*, *освежить*, *вспоминательно* и др.), поминовения (*помянуть* (во 2 знач.), *поминки*, *помин*) и памяти (*память* (в 1 знач.), *запомнить*, *запоминание*, *запечатлеть*, *не забыть*, *помнить*, *памятный*, *памятно*, *памятливый*, *памятливость*).

Эти микрополя располагаются от ядра к периферии линейно по принципу нейтрализации «активной» семы воспоминания – извлечения из памяти и логической обработки наглядно-чувственных образов – и усиления «пассивной» семы памяти – сохранения «следов» ощущений и восприятий. В такой последовательности микрополей «высвечивается», с одной стороны, тяготение воспоминания к воображению, а через него к понятию, с другой – близость памяти к восприятию.

Последнее наиболее ярко проявляется на периферии лексико-семантического класса воспоминания как экспонента ЛСП представления – в сегменте пересечения с ЛСП восприятия. В зоне наложения двух ЛСП находятся потенциальные средства выражения семантики представления – лексемы с общеязыковым значением зрительного / слухового восприятия, способные в особых условиях коммуникативного контекста функционировать в значении воспоминания / воображения (*видеть*, *созерцать*, *смотреть*, *глядеть*, *взирать*, *рассмотреть*, *зрение*, *глаза*, *око*, *взор*, *взгляд*; *слышать*, *слушать*, *звучать*, *слух*, *уши* и др.). Такая контекстуально обусловленная актуализация семы представления в значениях слов собственно перцептивной семантики подчёркивает неразрывную когнитивную связь чувственного, наглядно-чувственного и понятийного этапов отражения мира в человеческом сознании.

В данной статье мы, описав ядро и периферию ЛСП представления, ограничились анализом только одного из его лексико-семантических классов – воспоминания, причём в качестве экспонентов этого класса рассмотрели только лексемы. Безусловно, требуется характеристика лексико-семантического класса воображения, который, кстати, организован намного сложнее [Там же, с. 19-30], поскольку отражает смыслы, формируемые когнитивной категорией представления на «полшаге» до понятия при сохранении своей чувственной основы.

Определение же места фразеологизмов и фразеологизованных сочетаний с нейтральным значением представления или с частными значениями воспоминания / воображения [9] в соответствующем ЛСП позволит показать весь спектр взаимосвязанных и взаимодействующих лексических и фразеологических репрезентантов семантики представления как доминирующих в системе разноуровневых единиц языка этой же функциональной направленности.

Список литературы

1. **Абрамов В. П.** Семантические поля русского языка: монография. М. – Краснодар: Акад. пед. и соц. наук РФ; Кубан. гос. ун-т, 2003. 338 с.
2. **Авдеевнина О. Ю.** Категория восприятия и средства её выражения в современном русском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2014. 48 с.

3. Авдвинина О. Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации: монография. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 340 с.
4. Бабайцева В. В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности // Бабайцева В. В. Избранное. 1955-2005: сб. науч. и науч.-методич. ст. М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2015. С. 141-149.
5. Бабайцева В. В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В. В. Избранное. 2005-2010: сб. науч. и науч.-методич. ст. М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 61-73.
6. Босова Л. М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: психолингвистический аспект: автореф. дисс. ... д. филол. н. Барнаул, 1998. 48 с.
7. Голайденко Л. Н. Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Томск: ТГПУ, 2013. № 3 (131). С. 140-145.
8. Голайденко Л. Н. Лексика со значением представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. 142 с.
9. Голайденко Л. Н. Лексико-фразеологические средства выражения семантики представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. 72 с.
10. Голайденко Л. Н. О переходном характере глаголов представления (на материале произведений русской классической прозы) // Семантика и прагматика языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. Уфа: БГПИ, 1999. С. 21-28.
11. Голайденко Л. Н. Средства выражения представления в художественной прозе (на материале произведений Л. Н. Толстого) // Перспективы развития современного научного знания: сб. науч. тр. Чебоксары: Учебно-методический центр, 2011. С. 87-93.
12. Голайденко Л. Н. Существительное *воспоминание* и особенности его функционирования в художественной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. 1. С. 58-65.
13. Голайденко Л. Н. Существительное *воображение* и специфика его функционирования в художественной прозаической речи // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. Челябинск: ЧГПУ, 2015. № 2. С. 210-231.
14. Голайденко Л. Н. Существительное *представление* как когнитивная номинация (на материале художественной прозаической речи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. 2. С. 56-63.
15. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. 560 с.
16. Матханова И. П., Трипольская Т. А. Семантическое и функционально-семантическое поля: точки сближения и отдаления // Проблемы интерпретационной лингвистики. Поле как объект и инструмент исследования: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. С. 5-16.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 23-е, испр. М.: Рус. яз., 1991. 917 с.
18. Толстой Л. Н. Война и мир: роман: в 4-х т. М.: Эксмо, 2011. 1296 с.
19. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблёва, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2006. 576 с.
20. Храмов П. А. Инок: роман. Уфа: Китап, 2012. 256 с.
21. Черняк В. Д., Ильина О. С. Принцип поля в исследовании фрагмента действительности // Проблемы интерпретационной лингвистики. Поле как объект и инструмент исследования: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. С. 16-24.
22. Шафиков С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц: монография. Уфа: Изд-во БашГУ, 1999. 92 с.
23. Шурупов В. В. Первые венцы // Чистые пруды: альманах. М.: Московский рабочий, 1987. 672 с.
24. http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0014.shtml (дата обращения: 03.09.2015).
25. <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps2/ps2-011-.htm> (дата обращения: 03.09.2015).
26. http://lit.lib.ru/r/ratushinskaja_i_b/text_0010.shtml (дата обращения: 03.09.2015).
27. <http://magazines.russ.ru/october/2012/12/c23-pr.html> (дата обращения: 03.09.2015).
28. <http://pokrovka.narod.ru/Sources/Book/Nagib/ChP.htm> (дата обращения: 03.09.2015).
29. <http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0862.htm> (дата обращения: 03.09.2015).
30. http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_2/01text/0016.htm (дата обращения: 03.09.2015).
31. http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_14/01text/0302.htm (дата обращения: 03.09.2015).
32. <http://vseskazki.ru/avtorskie-skazki/m-prishvin/solovej-rasskazy-o-leningradskikh-detyakh.html> (дата обращения: 03.09.2015).
33. <http://www.lib.ru/NABOKOW/sozanyat.txt> (дата обращения: 03.09.2015).
34. <http://www.lib.ru/PROZA/CHIWILIHIN/memory2.txt> (дата обращения: 03.09.2015).
35. <http://www.litmir.co/br/?b=71515&p=2> (дата обращения: 03.09.2015).
36. <http://www.litmir.co/br/?b=71676> (дата обращения: 03.09.2015).
37. <http://www.pelevin.nov.ru/romans/pe-empire/index.html> (дата обращения: 03.09.2015).

**LEXICAL-SEMANTIC REPRESENTATION FIELD IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE:
NUCLEUS, LEXICAL-SEMANTIC CLASS OF REMEMBRANCE AND PERIPHERY
(BY THE MATERIAL OF FICTION)**

Golaidenko Larisa Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
M. Aknullah Bashkir State Pedagogical University
lngolaydenko@gmail.com

In the article a representation is examined as a subject of linguistic reflection, forming certain semantics in the Russian language and implementing its system of meanings. A vocabulary as a key medium of these meanings marks the structural-semantic category of representation. The vocabulary with the representation semantics forms syncretical lexical-semantic field (LSF), which reflects a transitive character and syncretism of cognitive category of representation. On this basis lexical semantic representations are modeled; the focus is on a nucleus, lexical-semantic class of remembrance and periphery.

Key words and phrases: representation; structural-semantic representation category; syncretism LSF; model of LSF; lexical-semantic class of remembrance.